

Андрей Хуснутдинов

ПОСТОЙ

Андрей Хуснутдинов

Постой

«Издательские решения»

Хуснутдинов А.

Постой / А. Хуснутдинов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747912-1

Нередко, думая, что бежишь от судьбы, в действительности следуешь ее
железному расписанию. Даже если ты заплечных дел мастер.

ISBN 978-5-44-747912-1

© Хуснутдинов А.
© Издательские решения

Постой

рассказ

Андрей Хуснутдинов

© Андрей Хуснутдинов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В «измайловской» Дельте у него оставался оплаченный до следующего полудня люкс, но он решил не показываться там, да и вообще забыть о гостиницах: базы данных регистра-тур уже наверняка шерстили. Поплутав с час по метро, он вышел на Бабушкинской. В торго-вых павильонах у подземного перехода промышляли сдачей квартир. Так, еще через полчаса, заполучив адрес, он шел в обход заваленного снегом Раевского кладбища к двенадцатиэтажке по Олонецкому проезду. Низкое ночное небо было затянуто мучнистой мглой, снежило.

На пороге подъездного тамбура его встретила старуха, как будто сошедшая с довоенной фотографии: в чиненом бушлате и больших валенках, вынуждавших держать ноги расставлен-ными, так что осанка ее напоминала позу хоккейного вратаря, в пуховом платке, завязанном на затылке, она взяла и пересчитала деньги, затем потребовала паспорт и, уверенно разломив книжицу на нужной странице, скомандовала встать «на свет». Вельцев не только не выказал возмущения, но, подавшись к освещенному окну, стянул шапку с головы. Его физиономию на снимке старуха изучала дотошно. Что-то там ей явно не нравилось. Она шмыгала мяси-стым носом, дальнотворко шурилась и покусывала клыком нижнюю губу. Чувствуя, что начи-нает мерзнуть голова, Вельцев надел шапку, полез в карман за сигаретами, и тут увидел, что старуха рассматривает визы. Он хотел спросить, в своем ли она уме, но старуха опередила его, возвратив паспорт и дав отмашку следовать за ней в дом.

Стены подъезда хранили следы недавнего пожара. Новые двери квартир на первом этаже являли разительный контраст со всеми прочими поверхностями, либо закопченными, либо шелушившимися. Ключом, похожим на подкалиберные отмычки, которыми пользуются в поездах проводники, старуха открыла смотревшую в тамбур дверь и оглянулась, пропуская Вельцева перед собой. Он вошел.

Огонь в свое время вовсю похозяйничал и в прихожей. Это было ясно по новому пласту линолеума на полу, по новым обоям на стенах, по новой краске на потолке и той очевидной, хотя и расплывчатой грани, где все это новое и свежее, вдаваясь в квартиру, ограничивалось старыми, не тронутыми плазмой покроями.

– В общем, так – мимо унитаза не лóжить, в ванну не ссать. На *станке* не курить, – напутствовала старуха из подъезда громовым полушепотом. – Отдыхай. Телефон в кухне. Если что, баба Агафья я... – И, прежде чем Вельцев успел опомниться, закрыла дверь. Ключ дважды повернулся в замке.

Вельцев подался обратно и шарил пальцами по двери. С внутренней стороны отпираю-щая ручка отсутствовала, была только шатавшаяся на шурупах скоба. В замочной скважине виднелся трехгранный стержень. Вельцев пошел в кухню, чтоб позвать старуху через окно, но, отдернув занавеску, обмяк: забранное решеткой и полыхавшее новогодней иллюминацией окно выходило на задний двор с кладбищенской оградой, подпираемой гаражами. Окно един-ственной комнаты, судя по планировке, смотрело туда же. Проверять это не было нужды, тем не менее, протиснувшись между крытой ковром кроватью и шифоньером, он заглянул за пар-човую штору. На заслонявшем створ куске фанеры была наклеена фотография тропического водопада.

Расстегнув пальто, он сел на кровать и покачал задом. Мелкие недра отозвались заглушенным треском пружины. Комната пропахла табачным дымом. С грошовой люстры свешивался на шнурке игрушечный человечек.

Наверное, было даже и неплохо, что его заперли. Не переносивший одиночества в первые часы и дни после *дела*, он, отлежавшись немного, нынче бы наверняка отправился искать приключений на голову. Вчерашняя бойня в закрытом клубе на Тверской уже снилась ему...

– Это мышеловка. Я – сыр.

Вельцев, вздрогнув, обернулся на голос. В простенке за дверью, забравшись с ногами в облезлое кресло, сидела девица лет восемнадцати-двадцати, в цветастом узбекском халате и сбитой на ухо тюбетейке. Жирно покрашенный рот и брови взрослили ее. Она прятала улыбку, довольная, что могла так просто скрывать свое присутствие, и катала в пальцах незажженную сигарету. Вельцев расправил полы пальто.

– Ты кто?

Девица, закурив, пустила струю дыма в потолок.

– Лана, – представилась она таким тоном, будто была удивлена, что этого можно не знать. – Я ж говорю – бесплатное приложение.

Вельцев стащил шапку и почесал голову.

– Так вот зачем бабка дверь заперла. Я не говорил, что...

– Сказу про Буратино помнишь? – перебила девушка. – Где котел был нарисованный?.. Вот. Там – котел. Тут – свобода.

– Какой еще котел?

– А чего ты воображаешь, когда хочешь в отпуск?

– Ничего.

– Неправда. Ты воображаешь... – Мечтательно прищурившись, Лана столкнула тюбетейку на лоб и запрокинула голову с выставленным подбородком. – Пальмы. Океан. Коктейли шлангами. Бабы косяками. Вот и пожалуйста. – Она кивнула на окно, придерживая шапочку. – С бабами, конечно, того. Чем богаты, как говорится. Но свободы – по самое не хочу. Тебя как звать-то?

– Послушай, – вздохнул Вельцев. – Я только хотел перекантоваться.

– Вот-вот, – туманно поддакнула Лана. – Только перекантоваться... – Стряхнув пепел в блюдце под креслом, она поигрывала сигаретой, словно договаривала фразу про себя.

– Переночевать, – сказал Вельцев.

– Вчера, – улыбнулась она, – один дяденька, знаешь, что попросил меня сделать?

– Что?

– Попысать ему на срам.

– И что?

– Ничего. Ошпарить яйца, и все. Каждому свое.

Вельцев взглянул на часы.

– Что тебе еще предлагают?

Лана почесала локтем коленку и нацелилась в него сигаретой.

– Замуж! А то не слышал, что из проституток – самые верные жены?

Вельцев устало прилег. Подвешенный к люстре человечек оказался против его лица.

– Слышал другое.

– Что?

– Что жены – верные проститутки.

Лана расхохоталась:

– Женатый, что ль?

– Нет.

– Девственник?

Он повозил затылком по жесткому, как щетка, ворсу ковра.

– Слушай, отстань.

– А я – да, – понизила голос Лана.

– Что?

– Ну, девственница.

Вельцев вздохнул.

– Конечно.

– Нет, честно! – Кресло под Ланой закрипело. – Не веришь? В прошлом месяце зашилась. Меня узбек сватал андижанский, барыга хлопковый. Ну, пока состав с грузом ждал. Влюбился, говорит, – все. Машину даже обещал. Только, говорит, нельзя по обычаю, чтобы в первую ночь ложа не окровить. Дал, короче, сто баксов на пластику.

– А что ж ты, – Вельцев поковырял пальцем ковер, – за старое?

– Нет, зачем? – искренно удивилась Лана.

– Что – зачем? – не понял Вельцев.

Лана промолчала.

– Извини.

– В общем, не дождался *Шарфик* поезда. В Язуе вон, за кладбищем, вылавливали.

– Прости.

Она выдохнула дым.

– Да ладно. У каждого своя... клиника. И *Шарфик* гешефт хотел сюда перетащить, потому что запал на что-то. А это как из поезда прыгать за мухами. Представь? Ты бросаешь все, что у тебя есть – все-все-все, – и сходишь на первой остановке.

– Ну? – приподнялся на локте Вельцев.

– Ну и – все, приехали... – Лана раздавила окурок в блюдце, спустила ноги с кресла, сходила в прихожую и вернулась с фотографией, которую бросила рядом с ним на кровать.

На мятном глянцевом обрезке Вельцев увидел улыбчивого типа со сросшимися бровями. Снимок был сделан со вспышкой, с близкого расстояния, почти в упор. Лицо вышло нерезким, пересвеченным, зато позади вверху оказался во всех деталях запечатлен человечек под люстрой. С обратной стороны снимка тщательно, как монограмма, фломастером была выведена прописная «Ш». Вельцев отложил фотографию, сел и провел кулаком по лбу.

– Ты что? – спросила Лана.

Медленно, не соображая еще, что делает, он достал бумажник, раскрыл его и взглянул в слоистые недра.

– Ты что? – повторила Лана.

Вельцев спрятал бумажник и снова устался в пол. Фотография напомнила ему о чем-то упущенном из виду, кольнула под ложечку, – но и только, так что в следующее мгновение он даже не мог сказать, что именно дало знать о себе – вещь, воспоминание или предчувствие.

Лана подобрала снимок, подула на него и засунула между стеклами серванта, сдвинув бумажную иконку.

– Чаю будешь? – спросила она, встав на пороге комнаты. – Или, может...

Вельцев опять прилег.

– Ты без меня пока там. Свет выключи. Мне надо... немного...

– ...перекантоваться, – договорила Лана, хлопнула по выключателю ладошкой и закрылась в кухне.

Закурив, Вельцев снова растянулся на ковре. Сигарету он держал в откинутой руке на весу, чтобы пепел падал на пол, другой вхолостую ворочал кремнем зажигалки. Из кухни вскоре послышался приглушенный смешливый голос – Лана говорила по телефону. Вельцев попробовал вспомнить неумело накрашенное лицо девушки, однако вместо лица ему почему-то вспомнилась коленка.

* * *

Пару лет назад он набрел в интернете на статью, в которой доказывалось, что расположенность мужчины к убийству и к женщине имеет источником один и тот же невроз – какой именно, Вельцев не понял, хотя прочел статью дважды. Ученому автору он был признателен не за его темные разглагольствования, а за то, что связь между склонностью к убийству и влечением к женщине получала, можно сказать, официальное признание. После своего первого заказа, промаявшись сутки без сна, он исповедовался в Рождественском монастыре. Для душевного спасения это не возымело последствий, зато материальных результатов было хоть отбавляй. По дороге из монастыря он перевернулся на машине, заснув за рулем. Его первой женой стала студентка мединститута, которая в тот день вышла на первую стажировку в Склифе. Тогда, не столько в травматологии, сколько в общежитии, она возвратила его к жизни. Наутро он будто проснулся в новом мире, а еще неделю погода – с легким сердцем и даже, что ли, с чувством бескорыстного благоденствия – застрелил досаждавшего ей тульского ухажера-пропойцу. С Оксаной они прожили душа в душу два с половиной года, и то, что Вельцев приносил домой под видом полочки инспектора по кадрам в ЧОПе, он безо всякой задней мысли называл их совместным доходом. Секс (не со всякой женщиной, конечно, а с той, которую считал *своей*) для него был средством отпущения грехов почище исповеди. Будучи со *своей* женщиной, он возобновлялся телом и совестью, каждое такое объятие виделось ему рождением новой, прекрасной жизни – сто крат лучше его собственной и тысячу крат лучше тех, которые он отнимал. Он верил, что переродится в детях, совершенно искупится ими, пока Оксану не стал беспокоить телефонными звонками Господь Бог. Звонил Бог всегда в отсутствие Вельцева, говорил много, на вопросы не отвечал и, прежде чем отключиться, начинал тяжело хрипеть в трубку. «Ужас, – признавалась жена. – Слышу хорошо, а не разобрать ничего». За полгода, миновавших между первым звонком и памятной ночью, когда Господь решил заговорить устами Оксаны и ее с судорожными припадками отвезли в 4-е отделение Канатчиковой дачи, она смогла вполне усвоить только два божественных откровения: «Все будет джага-джага» и «Мальчики кровавые в глазах». Второй брак, супружество Вельцева с Дашей, которая не любила его, вышел, как ни странно, более продолжительным, длился без малого четыре года, но распался в одночасье, разлетелся кровавыми брызгами вчера под утро, когда по анонимному видеозвонку Вельцев расстрелял предательницу, ее любовника (и своего «работодателя») Митяя, обоих митяевских горилл, Репу и Джека, и расположившуюся позади их стола случайную парочку за ширмой. Недоброе он почуял еще осенью, вернувшись из командировки в Питер. Даша, прежде своенравная, вспыльчивая, вдруг смягчилась, стала покладистой и обходительной. Перемену в ее поведении можно было бы счесть добрым знаком, если бы одновременно это не был признак измены, уничтожившей то единственное, что привязывало Вельцева к жене – *всеобновляющее и всепрощающее* свойство их близости. Удивительно, но до вчерашней катастрофы вину за то, что перестал воспринимать Дашу *своей* женщиной, он возлагал не на нее, а на себя, и даже малодушно помышлял о разводе. Вторые сутки, шедшие после бойни в клубе, он не мог избавиться от чувства, будто стал дышать каким-то новым, пустым воздухом, который рвал его изнутри, точно выброшенную на берег глубоководную рыбину...

* * *

– Не прячься, тебя видно, – сказал он и потушил окурок на подоконнике. – Выходи.

Дверь кухни, до сих пор приоткрытая настолько, чтобы можно было подглядывать в щель, распахнулась, и Лана подошла к нему. Тюбетейки на ней уже не было, дурацкий грим оказался

смыт без следа, в тени между болтавшимися бортами развязанного халата показывался голый живот. Пропустив руку под халат, Вельцев почувствовал в ладони теплую, пошедшую мурашками кожу. Лана подалась к нему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.